

КАК В ГОРЮНОВЕ ЦЕРКОВЬ РҮШИЛИ

Случилось это, когда вся необъятная наша страна уже готова была жить одним дыханием, одной мечтой, воочию лицезреть своё сияющее коммунистическое будущее. И все же большая часть сознательного и несознательного населения понимала, что светлое завтра хоть и не за горами, но в нынешнем дне ещё много придётся потерпеть, поскрипеть, а там что Бог даст...

Стало быть. Бог-то поминался не всегда всуе, хотя безбожная пятилетка благополучно миновала. И ближайшая задача стояла – выдернуть все религиозные ростки, которые ещё пытались всходить на перепаханном вдоль и поперёк стальным плугом поле родного Отечества. Всем ясно было: против рожна не попрёшь. И не столько это было понятно в низах, как в верхах, где любили порассуждать: “Пока гром не грянет, русский мужик не перекрестится”. И, стало быть, местное начальство больше всего боялось упустить момент. Огляделось оно, как бы не пришло время подводить итоги сокрушающей бурей пронесшихся последних кампаний: класс кулачества ликвидирован, в безбожники записаны почти все от мала до велика. Но вот тут-то на расширенном горизонте районной коммунистической епархии местные идейные вожди углядели маковку цервушки. Стоит себе. Где? В Горюнове. Самой маленькой она была из всего района, оттого и упустили из виду. Но так этот недогляд и во вражьи происки легко записать, из маленького факта сделать большой вывод. И вот незадача: бить в набат вроде как не время было – в разгаре посевная, деньги стояли ясные, отменные, а старики, поглаживая спины, вздыхали: “Задождит, задождит...” Только как бы грядущие дожди новой бурей не обернулись. Самый большой в районе идейный вождь не пожелал ни одного дня дожидаться грозных туч на горизонте, срочно вызвал в свой высокий кабинет председателя колхоза “Путь Ильича” Дронова, мужа не робкого десятка, потерявшего ещё в горячей молодости на фронтах Гражданской правую руку и два пальца левой, молчаливого, степенного. Он отличался от многих председателей – не петушился, не суетился, не балагурил, не жаловался, а когда получал очередное задание или наказку, коротко изрекал:

– Внизудаем и поедем.

И начальство на этот счёт могло передремнуть: указание будет выполнено в наилучшем виде, и так он умел развернуться, что ни начальству, ни самому

Дронову понукивать больше не приходилось.

– Что ж у тебя, такой-рассякой Дронов, можно сказать, вопиющая несознательность налицо? – сурово на этот раз поинтересовался секретарь. – Церковь стоит.

– Да оно вроде бы как бы и не мешало. Только вам с горы стратегия виднее. Мы-то от земли редко голову поднимаем.

– Смотри, неровен час и слетит головушка, когда на земляных червячков заглядишься, – секретарь погладил свою круглую крепкую голову.

– Да мы что, взнуздаем, – Дронов прокашлялся и врубил уже побоевому: – Расчистим территорию от противника.

И радостно улыбнулся, что бывало в редкие моменты, а именно такие, когда он начинал чувствовать себя правой боевой рукой: не любому в разгар посевной, когда на каждый погожий часок молишься, под силу свалить такого Голиафа. Дронов в греческой мифологии силён не был, как, впрочем, и секретарь, но ведал, что любой иностранный герой не устоит под натиском русского богатыря, пусть он даже будет с одной рукой.

Но здесь, когда он вышел из здания с красным флагом на фронтоне, сел на смирную и неходкую Лыску, почувствовал – ох как заныла правая, потерянная в самом горячем бою. И пока Лыска тянула его по бескрайним, в весенней истоме пребывающим полям, он всё прикидывал, ну как поладней распорядиться на сей заковыристый случай. Хорошо дело катится в пылу кампании. Иной лад хвосты подчищать, когда все в другую сторону повернулись. Народ тяжелее раскатать. Русский мужик он неповоротливый. Расторопность у него появляется, когда кнутом по спине огреешь или пряник расписной из-за бугра покажешь. А в последнее время и на пряники кидаться стал опасаться, кабы не подавиться горьким тестом. То ли поумнел мужик, то ли поглупел. Обо всём этом раскидывал по торной дороге свои мыслишки Дронов, пока не увидел маковку своей родной церкви на Лысой горе. И встrepенулось сердечко окаянное

не вовремя. Ай-ай-ай, каково сносить такую золотую головушку у горюновцев, хотя на церквушке даже позолоты никогда не было. Но Дронов всё же был вояка опытный. Уж ему не привыкать было усмирять своё сердце ретивое перед любым боем. И пошла такая песня, в которой Дронов сам ни одного словечка не пропел, но сочинить всё же успел. А мотивчик её намекнул не в своём кабинете, где чувствовал себя как в новом костюме с галстуком-удавкой, а за околицей Горюнова, куда и поманил главных певцов, как прикинул, мужиков не голосистых, но шибко расторопных по части выполнить секретные задания. В главные исполнители намечался Митька Раскорытин. Прозвище у него было такое по деревне за то, что в детстве его отец, когда был гольтьбагольтьбой, любил на корыте с Лысой горы кататься, порвал себе сухожилие на левой руке. Но и с одной рукой самый активный раскулачник оказался. А сын его в чём-то был в отца, такой же нахрапистый, горлан за справедливость великую, а в чём-то породу подпортил. Этакое чудачество созерцательное у него прорывалось. А такая натура вроде сама с собой в прятки играет и других морочит. Но как бы там ни было, но Дронов остановился на Митяе. А к нему решил пристегнуть Федьку Качалку. Тот любил быть в пристяжных, шепутной такой, правда, мотуда-сюда раскатываться, но ведь главное его раскатать, оттого, видно, и фамилия такая была – Качалкин. А третьим в этой компании было назначено быть Ерёмке, поскольку Бог, как известно, для любого дела предпочитает троицу в исполнители. Но на Ерёмке намечалось особое призвание. Он ведь в церковь любил заглядывать, о Всевышнем поговорить и себя поругать иногда, что де сатана постоянно вводит его в искушение, слабого, немогущего. И не только Дронов замечал, как он любил входить в это самое искушение.

В общем, компания подобралась сложная, но вот такие-то, когда вроде бы один другого в разные стороны тянет, но все в одну падают, и способны сладить этакое заковыристое дело, которое не всегда по плечу и самому слаженному коллективу.

Дронов не был похож на всех начальников. Он любил, когда под-

чинённые обсуждали его приказы-просьбы. Тогда-то и прояснялись их способности и слабые стороны, а не когда дело тят-сляпано. И ещё он любил задачи ставить без обходных маневров:

– Вы, ребяташки, понимаете, сколько тёмного народу ещё пребывает в нашем Горюнове. Они могут осложнить операцию. Потому надобно, чтоб масса не ведала и не присутствовала. Придёт потом, а церкви нет.

– А куда мы в церковь ходить будем? – задал дурацкий вопрос Ермил...

– Потом, можь, новую церкву выстроим, получше старой, высокую, до неба, – нашёлся Митька Раскорытин, иногда его головешка срабатывала в нужном для тактики направлении.

– Нам-то что, приказали – сломаем, прикажут – построим, – обобщил Федюня.

Видно было, что народ задачу понял в общих чертах, а на детали Дронов был мастер. Командование этой тыловой операцией, которая должна была обеспечить и успех посевной, и благополучие нескольких поколений горюновцев, было поручено Митьке. Он в рискованные минуты откидывал в сторону всякую свою созерцательность и лупил по всему фронту. Его заместителем был назначен Федька. Дронов знал, что его ребяташки любят почувствовать себя хоть на пять минут с кнутовищем начальника, пусть даже себя придётся постегать. Но самое главное председатель учуял, что Федьке сейчас как никогда важно остаться в истории Горюнова. На днях он намеревался посвататься к Алёне, девахе сколько красивой, столько и капризной. А таких, как известно, укрощает любая удача жениха. А здесь как не понять, что на дело самых удалых смельчаков поизбирали среди кондового местного населения.

– В общем, с Богом, – благословил Дронов свою новоиспечённую гвардию. И стал сразу же раскидывать мозгами на то, как ему ответ держать перед народом: как же без церкви креститься, венчаться, отпеваться да и просто жить?

А чего здесь мудрить, коли народ уже вроде бы и принаравливался стал к новому торному пути построения светлого будущего.

– Опium для народа, и баста. Были тёмные, стали светлые.

Церковные обряды отменены по всей матушке России.

Оставалось Дронову обработать попа Иллариона, в смысле подготовить к безболезненному отходу от дел. Ему сразу же выложил предписание: незамедлительно снести в селе церковь. И дружеским тоном посоветовал:

– А давай ты, святой отец, уезжай отсюда. Религия упразднена по всему фронту. Что тебе остаётся делать? Уезжай, пока затишье.

– Да я пока погожу, – ответил отец Илларион. – Хозяйство у меня, могила отца-священника. Здесь он благословил меня за Русь молиться.

– Ну, ну, – неопределенно ответил Дронов. При таком раскладе он и не знал, как взнудать и погонять. Вот если б инструкцию. И ещё Дронов помнил крепко, как отец Илларион три дня молился за умирающую сестру Дронова и она осталась жива. Но, может, так или иначе, но указания верховного начальства отменить нельзя. Вспомнив об этом, Дронов строго указал:

– Ты, отец, народ не булгачь ни в коем разе. Съезди в область, развейся. Ответственность за срыв операции может лечь на тебя.

...Рано утречком, когда только выгнали коров на поле, Митяй, Федька и Ермил были уже у церкви. А здесь была такая тишь и благодать. Солнышко сияло, птички заливались, цветочки распускались на могилах, в общем – всё, как полагается в эти утренние созерцательные часы. И не верилось никому из троицы, что их руками вся эта застойная красота может враз видоизмениться и направить жизнь горюновцев по новому руслу.

– Ну, – подал голос Федька, – взнудаем?

– Да погоди, – Митяй закинул голову... Вдруг ему показалось, что небо опускается на него всей своей тяжестью. Он потрянул головой и воззрился на землю. Что-то его останавливало.

– Пойдём в церковь, попросится надобно, – сказал Ермил. Такого момента Дронов не обговаривал. Но всех троих потянуло в церковь.

Дверь была, как и приказал Дронов, не на запоре. Отец Илларион снял и убрал иконы, подсвечники. Здесь показалось непривычно. Двери в алтарь были закрыты.

– Давай туда, – предложил Митяй.

– Зачем? – неожиданно строго спросил Ермил.

– Как зачем, никогда не пускали, а теперь можно зайти.

– Ничего.

Митяй только хотел напомнить, что он как-никак руководитель операции, но Ермил вдруг совсем по-детски ойкнул.

– Глянь, – поднял голову. Митяй и Федька тоже запрокинули свои головы. Они увидели всё того же Спасителя, парящего на облаках, Божью Мать и ангелов. Картина известная с самого детства. Чего уж здесь разглядывать.

– Глянь, – опять удивленно ойкнул Ермил, – херувимы за нас молятся.

Митяй глянул туда, куда был устремлен взгляд Ермила, и у него ёкнуло сердечко. Вот так диво, первый раз увидел – херувимы смотрели на него так, как никто никогда не глядел раньше.

– Ишь ты, – не выдержал, восторженно выдохнул Раскорытин, но Федька толкнул его локтем-багром:

– Любоваться недосуг, а то, не ровен час, сбегится деревня.

Уже через час Митяй приехал на тракторе. Федька с Ермилом ждали его у ограды. На взгорке уже стояли три бабки, держа руки под козырёк, а рядом с ними – два голопузых пацанёнка. Надо было топиться, чтоб не прибавилось зрителей-ротозеев.

К трактору подбежал Ермил и, нервно похотываясь, затвердил:

– Крепки камешки, крепки.

Федька оттеснил Ермила, но сам в кабину прыгать не торопился.

– Ты давай вперед, а там видно будет.

И опять Ермил:

– Крепки камешки – зубы сломают.

Митяй вдруг разъярился, подручные больше мешали делу. Нажал газ и что есть мочи, которая таилась в его щуплой фигурке, как бы слившись заодно с трактором, пошёл на церковь. Ермил перекрестился, Федька Качалка сплюнул. Бабки-ротозейки вдруг заголосили, как оглашенные, чуть ли не заглушая шум трактора. Трактор давил на стену со всей железной мощью. Но стена даже не поддавалась. Сейчас она представлялась Митяю основной преградой на его жизненном пути. И эту преграду снесёт он, Митяй.

Трактор дёргался, бился об стену, которая отделяла горюновцев от бесцерковной жизни, сердце у Митяя горело, словно у первопроходца заповедного пути. А преграда, однако, стояла незыблемо. У Митяя крупными каплями по лицу катился пот. Но со сторо-

ны могло показаться, что он, закусив губу, с отчаянным остервенением проливает горячие слезы. Федька и Ермил смотрели с каменными лицами. Федька, вдруг оглянувшись на уже скулящих бабок, махнул Митяю рукой, чтоб сменить его за рулём. И вдруг на Раскорытина напала такая злость. Матушки, он не мог понять, что с ним сделалось, в глазах помутнело. Он готов был броситься на эту стену, завить, завизжать, начать её грызть. И тут она как бы поддалась и под торжествующий вой Федьки рухнула на трактор.

– О! О! – радостно завопили бабки, воочию узрев Божье наказание – груды камней, заваливших трактор, мотор которого всё ещё работал.

Обвал, происшедший так вдруг, на несколько секунд превратил Федьку и Ермила в каменные изваяния – видно, были так сильно ошеломлены тем, что церковь всё же не устояла. Но они не ожидали, что такая махина свалится на голову Митяю. Груда камней – и притвор церкви наружу. Но другой её придел стоял цел-целёхонек.

– Выручать надо Митяя, – пошевелился каменный истукан в лице Федьки.

Бабки наконец решили приблизиться к церкви, но теперь они молчали, видно, уже жалея погребённого Митяя.

– Ну, что рот разинули! – закричал Федька. – Айда за народом, разгрести надо, вашу мать!

По его окрику словно воробьи вспорхнули ребята и что есть духу полетели к деревне, только их ноги в неистребимых цыпках засверкали по пыльной дороге.

Федька толкнул и Ермила, приводя его в чувство. Они кинулись разгрести дребезжащую кучу каменную.

Когда из деревни притащилось два хромых деда, трактор почему-то заглох. Рвение спасательной команды в лице Федяя, Ермила, двух бабок и дедов усилилось.

Когда наконец обнажилась верхушка трактора, а затем гнёздышко оконца, все увидели, что Митяй восседал за рулём ни жив ни мёртв, вцепившись мёртвой хваткой в руль. Операция по извлечению погребённого продолжалась медленней по причине усталости спасателей, но тут подоспела новая сила. К месту действия прибыл конюх на хромой кобыле. Подоспели два скотника. К вечеру трактор освободили. Митяй выбрался из него, как победитель, потёр затекшие ноги,

покрутился возле кучи и отчитал сподручников:

– Долго валандались. Можно было и пошибче.

Федька сплюнул, Ермил вздохнул.

Вечером в председательском кабинете обсуждали итоги операции.

– Вот стены, почище бронебойных. Эх, как строили! – восторженно восклицал Митяй.

– При Иване Грозном ещё возводили, – хмуро кидал Дронов. По радио передали о дожде, то посевная, то с церковью затор. Но он прикинул, что в райкоме всё же можно доложить о выполненном задании, поскольку факт разрушения церкви налицо, а так как посевная была в разгаре, основные силы не были направлены на завоевание церковного оплота, религиозного оплота.

Посевная посевной, но кирпичи из церковной ограды убирали быстренько. Сбежались горюновцы с мешками, телегами, утаскивали кто сколько мог – кто баньку городил, кто печку подправлял. Камень за камень, кирпич за кирпич.

В общем, операция по очистке церковной территории прошла вопреки тревожным ожиданиям Дронова тихо. Горюновцы не причитали, не скулили и не рыдали над полуразрушенной церковью. Они запасались кирпичками.

Только в конце этой беспрецедентной по коллективным действиям кампании произошла небольшая заминка: конюх, тащивший телегу с кирпичами, вдруг споткнулся на ровном месте и сломал ногу. Тут некоторые горюновцы как бы и струхнули. Разве это не знак Божьего предупреждения? Все враз забылись. А вдруг завтра религию вновь возвернут? Тут все стали радоваться, что церковь не вся порушена. И покрестить, и по-

Художник Ю.М. Черкасов

венчаться будет где... Но зайти в неё никто не решался, кроме отца Иллариона, который перенёс назад иконы и не выходил из храма несколько дней.

– Отмаливает, отмаливает наши грехи, – шептали старухи.

Денёчки летние в Горюново всегда мелькали, как спицы в новом колесе. То сенокос, то прополка, спину разогнуть стало некогда, чтоб посмотреть в сторону храма. А лето играло на полянках, пролесках, в заводях. Дронов уже прикидывал, как его дружный колхоз отметит праздник урожая. С большим подъёмом и воодушевлением. Но тут случилось такое, что перепугало Горюново так, как не пугал еще ни один московский указ.

А дело было в самом деле непонятное.

Неподалёку от церкви петляла речушка ни мала ни велика. Правда, в бурное половодье время она доставляла хлопот горюновцам. Когда-то на ней стояла мельница. На речку приходили бабы полоскать бельё, ребятня купалась.

Но вот однажды ночью жители проснулись от жуткого воя. Горюновцы в исподнем выскакивали из домов, кидались в разные стороны и не могли понять, что случилось. Война не война, да ведь бомбы не падают с неба. Откуда этот нечеловеческий вой, от которого волосы вставали дыбом? И доносился он из-под земли, и оттуда, где стояли остатки церкви.

Горюновцы ринулись в ту сторону, добежали до места, где была мельница. Вот те наваждение! Жуткая картина открылась им при лунном свете.

Огромная воронка мощной силой тягивала реку внутрь, и она мелела прямо на глазах. Горюновцы онемели от ужаса. И только Дронов стал размахивать единственной левой рукой, у него возник план спасения реки. Он заорал что есть мочи, перекрыв рвущийся к небу вой:

– Быстро закидываем воронку! Коней с конюшни! Вези всё, что попадётся под руки.

Возможность хоть что-то сделать, а не наблюдать за исчезновением реки привела людей в чувство. Кинулись к селу. И скоро оттуда на лошадях везли брёвна, мешки. Эк, как всё завертелось, понеслось! Дронов метался по мельчающему на глазах руслу реки и сиплым сорван-

тым голосом отдавал распоряжения:

– Швыдче, швыдче, кидайте, кидайте!

Кони, телеги, люди натякались друг на друга, бревна, камни, земля сыпались в воронку, чёрное, змеящееся нутро которой напоминало пасть неведомого чудовища, изрыгающего утробный, свистяще-чавкающий вой.

Дрожащие лошади сгрудились на берегу, горюновцы потерянно-обречённо металась около них. Что кидать в эту ненасытную пасть? Опустили подворья, ферма.

Дронов, уже не совладав своим окончательно севшим голосом, знаками стал объяснять, чтобы тащили кресты, памятники с погоста. И то хоть какое-то дело, чтобы не сойти с ума.

Мужики стеганули лошадей.

Такая картинка и в страшном сне могла бы испугать: женщины подбегали к воронке с крестами, швыряли их внутрь и в ужасе отскакивали. Мужики по несколько человек подволакивали надгробные камни, с неимоверным усилием скидывали их в вертящееся пространство воронки, а они начинали вертеться с лёгкостью щепки, пока наконец не исчезали в бурлящей тьме.

Кто бы мог подумать, что Ермил не выдержит первый. Он упал на дно обмелевшей реки и начал метаться:

– Господи, преисподняя, открылась преисподняя.

Горюновцы как-то все обмякли, стали медленнее двигаться. Вой уже уменьшился, он стал как бы дружелюбнее, с булькающими звуками.

Но тут вбежала на косогор дурочка Олечка и, скидывая руки к небу, завопила:

– Вот он гнев Господень, кайтесь, кайтесь, люди безбожные.

И горюновцы, всегда жалеющие Олечку, никогда её не обижающие, вдруг стали с ожесточением пулять в нее камешки, комья грязи. Женщины завывали, начали срывать платки с голов и, тиская их в бессильном отчаянии, закрывали глаза, словно не желая видеть то, что происходит на белом свете.

– Ну что вы, лапушки, – шептал Дронов, которому впервые не удалось навести порядок среди горюновцев...

Реку спасти не удалось. Она исчезла вся, как выразился Ермил, в преисподнюю. Одно из последних брёвен стало в рас-

труб. На него тут же накидали всякого хлама, и воронку словно бы удалось завалить. На обнажённом илистом дне реки трепыхались рыбы, валялись колёса, ржавые дырявые корыта, затопленные давным-давно.

Измученные, потрясенные горюновцы стояли у бывшей реки, слепо оглядываясь вокруг, словно наступавший рассвет мог принести объяснение случившегося.

– Пойдём в церковь отмаливать наши грехи, – прошептал чуть слышно Митяй. И сразу все встrepенулись, гуртом тёмным облаком поплыли в сторону полуразрушенной церкви, на ходу крестясь, падая на колени.

Дронов стоял один неподалёку от заваленной воронки, глядел вслед горюновцам, вытирая горячий пот со лба, что-то шептал.

Через день он привёз из областного центра специалистов-геологов. Те долго ходили вокруг воронки с портфелями, с какими-то диковинными приборами, чем вызвали у затаившихся горюновцев невольное уважение.

Дронов наблюдал за ними издали, почему-то опасаясь приблизиться к ним, потревожить их учёные разговоры. Сейчас они представлялись ему спасителями Горюнова, которые хоть реку не вернут, но возвращут покой в село.

Начальник геологов сам подошёл к Дронову, глядя в землю, перекадывая портфель из одной руки в другую, заговорил, то и дело похмыкивая:

– В этом месте ведь была мельничная плотина? Скорее всего, в земле появилась глубокая выбоина. Она совпала как раз с карстовой трещиной.

– Так это ж, – решил превратить учёное объяснение Дронов, – откуль эта выбоина хреновая, извините за выражение, товарищ начальник?

– Какое-то у вас здесь маленькое землетрясение случилось, – озадаченно снял очки и начал протирать их геолог.

– Мы здесь церковь рушили. Могло это растряссти землю?

– Рушили? Что ж, вполне возможно, – почему-то радостно подхватил геолог.

Дронов не стал объяснять горюновцам, что ему поведали геологи, только зло выкрикнул:

– Земля просела, ясно? Люди опускали глаза в землю, некоторые крестились, ти-

хонько вытирали слёзы и тенями отходили к своим хибаркам. Наказание Божье это или испытание, но нужно было тянуть лямку жизни, убирать урожай, сдавать налоги, готовиться к зиме.

Рушить остатки церкви на Лысой горе больше никто не решался. Отец Илларион по-прежнему вёл здесь богослужения. В церкви всегда было многолюдно, горюновцы стояли на коленях, воздевали глаза к небу, а женщины всё плакали и плакали, уходя из церкви с мокрыми платками.

Чаще всех туда бегал Ермил. Однажды его нашли мёртвым у самой паперти, он лежал лицом вверх, словно пытался что-то рассмотреть в небесах.

– Каялся, грешный, ох как каялся, – шептали старухи, закрывая ему глаза.

Церковь простояла в Горюнове до самой войны. Когда шёл бой за село, везде разрывались гранаты, падали с неба бомбы, горюновцы, прятаясь в подвалах, крестились, шептали молитвы, просили Спасителя, чтобы он сохранил им церковь на Лысой горе. Все почему-то верили, что сохранится церковь – устоит и Горюново.

Русские солдаты отбили село, проехали вдоль его развалин на танках, остановились почему-то у дома Митяя. Перед войной его разбил паралич, отец и мать умерли в войну, погибли два брата, и по хозяйству управлялась только сестра. Но дом был целый. Из-за угла вышла Олечка, заулыбалась щербатым ртом:

– Место пусто здесь, место пусто здесь, пошли вон, пошли вон.

– Эй, дурочка, уходи, – зацыкали солдаты.

Уже наутро они поехали дальше и, говорили, в скором бою полегли почти все.

Ну а Горюново дождалось победных дней, перемогло голод, мор.

Потомки тех, кто рушил церковь, почему-то совсем не интересовались событиями недавнего прошлого. Вот только Олечка, дурочка, старая, слепая, всё ещё вылезает из своей хаты-развалихи, опираясь на клюку, шамкает беззубым ртом каждому, кто проходит мимо:

– Кайтесь, время ещё ваше не истекло.

Только кто будет слушать безумную?